

НЕПРЯМЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В РЕЧИ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РЕЧИ НЕРУССКИХ

А.Л. Гребенев

Актуализация языковых знаков в речи обнаруживает двойственную направленность. В одних случаях реализуется основное значение лексемы, грамматической формы, синтаксической конструкции, интонации и т.д. Одновременно приглушаются или полностью десемантизируются периферийные значения данной единицы. В других случаях, напротив, знаки используются в непрямом значении и происходит их переосмысление, при котором проявляются коннотативные, эмоционально-оценочные, ассоциативные смыслы и связи знака или текста. В реальном общении эти тенденции вариативно сочетаются и взаимодействуют под влиянием коммуникативно-прагматических факторов.

В ситуациях первого типа устанавливаются прямые отношения между языковыми знаками и их значением: знаки однозначны. При обратном подходе – от содержания к способу его представления в речи – эти отношения сохраняются: данное содержание в конкретном контексте передаётся определённым знаком или их совокупностью. Так, информация Гидрометцентра: „В Москве завтра ожидается облачная погода с прояснениями, временами осадки в виде дождя и снега, температура ночью около 0, днём от +1 до +5, атмосферное давление 740 мм., относительная влажность 65%”, – передаётся стереотипизированными синтаксическими и интонационными конструкциями, тематически обусловленной лексикой. Смысл сообщения для отправителя и получателя одинаков, никаких семантических приращений ни при его производстве, ни при восприятии не возникает. (Здесь не затрагивается вопрос о том, как по-разному может использоваться подобная информация в качестве „руководства к действию” в различных экстралингвистических условиях, поскольку это изменило бы сам объект анализа.)

В ситуациях второго типа, напротив, знаки в высказываниях переосмысляются, приобретают неоднозначность, различного рода семантические приращения. Их восприятие предполагает участие ассоциативно-образного мышления,

допускает (в определённых пределах) вариативность интерпретации и осмыслений. При продуцировании высказывания одно и то же (или близкое по смыслу) содержание может быть передано различными средствами. Так, например, переосмыслиется „погодная” лексика в пословицах и поговорках: „Либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет”, – в значении *неизвестно, сбудется ли предполагаемое, желаемое*. То же значение можно выразить иначе: „Бабушка ещё надвое сказала (гадала)”, „Это (ещё) вилами на воде писано”, „Поживём – увидим” и т.д. (*Словарь* 1966: 33-34, 353, 515). Значение высказывания при этом диффузно, размыто: это ни „да”, ни „нет” или „может быть «да», а может быть «нет»” и реципиенту приходится по-своему оценивать ситуацию и отношение говорящего к возможному ходу событий, т.е. придавать высказыванию некоторый собственный контекстуально обусловленный смысл.

Во всех функционально-стилевых вариантах речи встречаются те и другие ситуации, они взаимосвязаны и взаимно дополнительные, но преобладание того или иного способа актуализации является характеризующим, конститутивным признаком определённого типа речи. Так, в научной и официально-деловой речи реализуются преимущественно прямые значения, в поэтической и (отчасти) разговорной речи, в фольклоре, жаргонах и сленгах – ассоциативно-образные, причём их функциональная роль дифференцируется соответственно типу речи.

Однако, как замечает Ю.М.Лотман, „ни один из реально данных нам текстов не является продуктом какого-то одного механизма порождения. Такие тексты были бы бесполезны как генераторы новых смыслов. Даже научные тексты, которые должны были бы создаваться в пределах «чистых» метаязыков, «засоряются» аналогиями, образами и другими заимствованиями из иных, чуждых им, семиотических сфер. Что же касается других текстов, то гетерогенность их очевидна. Все они представляют собой плоды креолизации дискретных, недискретных языков и метаязыков, лишь с определённой доминанцией в ту или иную сторону” (Лотман 1992: 32).

Знаки в непрямых значениях используются в общении в различных целях и могут рассматриваться с т.з. их функциональной роли в тех или иных стилях, подстилях, жанрах

речи, с т.з. средств их выражения, использования их в интерпретации коммуникативной и денотативной ситуации, взаимоотношений и намерений коммуникантов и т.д.

Очевидна, например, связь между типом текста, его жанрово-стилевой разновидностью и целью и способами употребления в нём языковых единиц в непрямом значении. В фольклоре, пословицах, поговорках, загадках способы и формы выражения не прямых значений исторически закрепились и передаются от поколения к поколению (на протяжении определённых периодов) без существенных изменений; в поэтической речи, напротив, традиционные ассоциации и образы подвергаются обязательной индивидуально-авторской интерпретации и, кроме того, частотны окказиональные переосмысления знаков; для разговорной речи характерно чередование речевых формул, клише и вариативных способов выражения значений; жаргоны содержат код, закрытый для непосвящённых,¹ в различного рода языковых играх – кроссвордах, анекдотах, пародиях – иносказание становится основным принципом общения.

С этой т.з. использование и восприятие не прямых значений в текстах разной жанрово-стилевой принадлежности строится на разных принципах: в одних случаях они воспроизводятся, повторяются, в других – создаются в процессе общения, в одних жанрах они используются для того, чтобы расширить, обогатить семантику текста, в других – для того, чтобы сузить, ограничить, зашифровать значение знака.

Способность передавать не прямые значения обнаруживается на разных уровнях и подуровнях языковой системы: фонетико-интонационном, графическом, лексическом, деривационном, морфологическом, синтаксическом, стилистическом, а также в использовании невербальных средств коммуникации, причём эти средства чаще всего выступают в определённом взаимодействии.

На уровне графики в качестве средства не прямого выражения значений может использоваться криптограмма, как, например, в сцене объяснения в любви Кити и Левина в *Анне Карениной*: „Вот, сказал он и написал начальные буквы: к,в,м,о:э,н,м,б,з,л,э,н,и,т? Буквы эти значили: «когда

1 См. описание жаргонной лексики в: Даль 1990; Елистратов 1994.

вы мне ответили: этого не может быть, значило ли это, что никогда, или тогда?» Не было никакой вероятности, чтоб она могла понять эту сложную фразу; но он посмотрел на неё с таким видом, что жизнь его зависит от того, поймёт ли она эти слова... – Я поняла, – сказала она покраснев. – Какое это слово? – сказал он, указывая на н, которым означалось слово «никогда». – Это слово значит «никогда», – сказала она...» И далее: „Она написала: т,я,н,м,и,о... Он вдруг просиял: он понял. Это значило: «тогда я не могла иначе ответить»”. И диалог Кити и Левина с помощью криптограмм продолжается (Толстой 1947: 526-527).

Здесь, конечно, героям помогает общий настрой мыслей и чувств, знание ситуаций, о которых идёт речь, т.е. общность их апперцептивной базы.

Лексический уровень характеризует свойственные разговорной речи переименования объектов и действий, в результате которых когнитивный коррелят знака полностью или частично расходится с его словарным денотатом. ИмPLICITное при этом служит специфической системой отражения различных способов переосмысления событий и фактов.

Так, в *Мёртвых душах* во время игры в карты на губернаторской вечеринке почтмейстер „ударял по столу крепко рукою, приговаривая, если была дама: «пошла старая попадья!» если же король: «пошёл тамбовский мужик!» ... А председатель приговаривал: «А я его по усам! А я её по усам!» Иногда при ударе карт по столу вырывались восклицания: черви! червоточина! пикенция, или пикендрас! пичурушух! пичура! и даже просто: пичук! названия, которыми перекрестили они масти в своём обществе” (Гоголь 1977: V: 15-16).

Среди прочего здесь обращает на себя внимание характерный для устной речи „вольный” подход к словообразованию, при котором действующие модели трансформируются, используются неузальные способы и создаются окказиональные формы слов.

Эти примеры иллюстрируют также процессы переосмысления в индивидуальном и коллективном сознании языковых и речевых норм, отражающие мировоззрение и мироощущение коммуникантов, их способ восприятия, оценки и истолкования действительности.

Выступая во взаимодействии, знаки различных уровней могут создавать имплицитный контекст как один из видов пресуппозиции, повышающий внутреннюю информативность высказывания. В следующих высказываниях, например, смысл меняется в зависимости от порядка слов (места усилительной и выделительной частицы „даже”), интонации и фразового ударения: „Даже я не мог его уговорить” (имеется в виду: 1. его пытались уговорить и другие, 2. у меня было больше, чем у других, оснований или возможностей его уговорить); „Я не мог даже уговорить его” (имеется в виду: 1. от меня требовалось или ожидается нечто большее, чем просто уговорить его, 2. я не готов выполнить это требование или ожидание); „Я не мог уговорить даже его” (имеется в виду: 1. его уговорить по каким-то причинам легче или проще, чем других, 2. я пытался или должен попытаться уговорить ещё кого-то).

Здесь ясно видно, как связаны синтагматические, интонационные и семантические преобразования высказываний.

В зависимости от условий общения не прямые высказывания могут семантизироваться однозначно или неоднозначно: в стандартных ситуациях типовые не прямые высказывания воспринимаются как однозначные. Когда мы слышим в метро: „Поезд дальше не идёт. Просьба освободить вагоны!” – то семантизируем это объявление в соответствии с его конвенциональным значением в данной ситуации: мы понимаем, вопреки буквальному значению первой фразы, что поезд не останется стоять на станции, а только прекратит перевозку пассажиров по определённому маршруту. В подобных случаях не прямые высказывания уподобляются прямым и появляется возможность их адекватной замены, например: „Поезд следует в депо. Просьба освободить вагоны!”

Носителями не прямых значений могут быть отдельный знак, совокупность знаков, высказывание, фрагмент текста или весь текст. Показательны в этом отношении различного рода тропы, аллегории, иносказания в поэтической (в широком смысле) речи. Можно, в частности, отметить функциональную неоднозначность метафоры в поэзии и прозе.

В поэзии метафора – это прежде всего средство создания образного строя, часто она повторяется, иногда с

той или иной трансформацией или в новом контексте. Так, у Б.Л.Пастернака в начале и в конце стихотворения:

Не подняться дню в усилиях светилен,
Не совлечь земле крещенских покрывал.

Не подняться дню в усилиях светилен,
Покрывал крещенских ночи не совлечь.
(Пастернак 1989-1992: I: 436).

„Ты так играла эту роль!” – повторяется трижды, в каждой строфе в новом контексте, причём в последней – в переосмыслении:

Ты так! – ты лучше всех ролей
Играла эту роль!
(там же, 123).

Попадая в новый контекст, вступая в новые связи, метафора как бы наращивает ассоциативные смыслы и одновременно объединяет весь текст в единое целое.

Иногда, как в стихотворении *Снег идёт* реальное событие метафоризирует окружающий мир и само на этом фоне выступает как метафора (там же, II: 108-109). Аналогичным образом под влиянием контекста в стихотворении *Зимняя ночь* метафоризируется образ горящей свечи (там же, III: 526-527).

В прозе метафоры, сравнения, оценочные характеристики и номинации героев проявляют способность мультиплицироваться, умножаться, демонстрируя неоднозначность поведения и восприятия личности в различных ситуациях. Так, Пугачёв в *Капитанской дочке* А.С.Пушкина – и беглый казак, и император Пётр III. Но в то же время он выступает в оценке разных героев как вожатый, дорожный, мужичок, благодетель, отец родной, наш батюшка, атаман, кровопийца, ужасный человек, изверг, злодей, бродяга, разбойник, раскольник, самозванец, мошенник, вор, беглый каторжник, собачий сын, пьяница, bestия, обманщик, бездельник, предводитель мятежников и т.д. (Пушкин 1952: 578-676).

То же можно сказать о многих героях Н.В.Гоголя. Хлестаков – это прежде всего не ревизор в роли ревизора.

Но он также молодой человек без царя в голове, чиновник, полковник, елистратишка простой, мошенник, плут, шаромыжник, подлец, именитый гость, просвещённый гость, почтенный гость, генерал, вельможа, столичная штучка, барин, главнокомандующий, сочинитель, друг Пушкина, управляющий департаментом, ваше превосходительство, фельдмаршал, генералиссимус, государственный человек, важная персона, господин финансов, государь, ваше высокоблагородие, ваше сиятельство, дьявол, такой человек, что и на свете ещё не было, прекрасный, воспитанный человек, самых благородных правил, уполномоченная особа, не уполномоченный и не особа, ни сё ни то, чёрт знает что такое, генерал-губернатор, скверный мальчишка, которого надо высечь, негодяй, сосулька, тряпка, вертопрах и т.д. (Гоголь 1977: IV: 8-90).

Если в *Капитанской дочке* противоположные оценки Пугачёва отражают прежде всего социальный статус говорящих, а также отчасти ту или иную конкретную ситуативную роль героя, то в *Ревизоре* это главным образом средство создания комического эффекта, развёртывания действия одновременно в двух плоскостях: мира реального и вымышленного. Показательно, что когда сам Хлестаков включается в эту игру, то выдаёт себя вовсе не за ревизора, а за „важную особу” из Петербурга, чей статус достаточно неопределён, умножая тем самым возможность различных интерпретаций. Таким образом, герой в различных ситуациях как бы меняет свою функциональную роль, что и получает отражение в речи. Именно это, вероятно, имел в виду А.С.Пушкин, когда писал А.А.Бестужеву по поводу одного из героев *Горя от ума*: „Кстати, что такое Репетилов? В нём два, три, десять характеров.” (*Переписка А.С.Пушкина* 1982: I: 470).

В некоторых случаях герои выступают как бы персонифицированными метафорами определённых типов личности. Таковы, в частности, в *Мёртвых душах* Ноздрёв, Манилов, Собакевич, Коробочка, Плюшкин. Выдвигая в характере своих героев какое-то одно качество на первый план, Н.В.Гоголь делает их своего рода символами этих качеств. Метафоризированное таким образом имя собственное приобретает способность вторичного означивания явлений, предметов, лиц: скуп, как Плюшкин, и под. Воз-

можно также переосмысление и фразеологизация словосочетаний и реплик, типа: „мёртвые души”, „позвольте вам этого не позволить” и т.д. Вспомним опять отзыв А.С.Пушкина о комедии *Горе от ума*: „О стихах я не говорю, половина – должны войти в пословицу.” (*там же*).

Как уже говорилось, выражать не прямые значения могут определённые связные контексты. Примером может служить иносказательный разговор Пугачёва с хозяином постоянного двора: „В огороде летал, конопля клевал; швырнула бабушка камушком – да мимо. Ну, а что ваши? – Да что наши! – отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. – Стали было к вечеру звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте. – Молчи, дядя, – возразил мой бродяга, – будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (...) заткни топор за спину: лесничий ходит (...)”. Гринёв „ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмирённого после бунта 1772 года.” (Пушкин 1952: 590).

Другой пример контекстуальной метафоры – пророческий сон Гринёва, в котором он вместо родного видит посажённого отца, мужика с чёрной бородой, размахивающего топором, – это своего рода аллегория последующих событий.

Различное „прочтение” таких контекстов может отражать разное мировоззрение героев: Пугачёв и Гринёв, например, каждый по-своему трактуют смысл калмыцкой сказки об орле и вороне (*там же*, 655).

В качестве сложной аллегории, иносказания может выступать не только фрагмент, но и весь текст художественного произведения. Иногда такой способ отражения действительности предусмотрен самим жанром, например, в баснях, притчах и сказках. В других случаях он диктуется определённой творческой школой, направлением или замыслом писателя. Так, романы Ф.Кафки *Замок*, *Процесс*, его рассказ *Превращение* целиком построены на принципе ассоциативно-образного представления действительности, причём точность и правдоподобие деталей только усиливают то поле напряжения между реальным и мистическим,

которое на всём протяжении повествования придаёт ему неоднозначность.

Способность художественного текста порождать собственные смыслы и допускать различные прочтения часто рассматривается не только семиотиками, но и писателями как одна из его важнейших функций. Об этом пишет в *Заметках на полях* к своему роману *Имя розы* известный итальянский учёный-медиевист Умберто Эко: „(...) роман... по определению – машина – генератор интерпретаций” (Эко 1989: 428). „Поэтическое качество я определяю как способность текста порождать различие прочтения, не исчерпываясь до дна” (*там же*, 429). „Наивный читатель, не защищённый теоретическими «буферами», в прямую наталкивается на ту истину, что у книги не может быть только один сюжет. Так не бывает” (*там же*, 455). Это роман о монастыре XIV века, действие в нём датировано концом ноября 1327 года, однако, как свидетельствует его переводчик на русский язык, „несомненно, многие частные ситуации романа и его главный конфликт вполне «прочитываются» и как иносказательное отображение ситуаций нынешнего, XX века. Так, многие рецензенты, да и сам автор в одном из интервью, проводят параллели между сюжетом романа и убийством Альдо Моро” (*там же*, 6). А Ю.М.Лотман по этому поводу замечает: „Поистине можно вообразить себе целую галерею читателей, которые, прочитав роман Эко и встретившись на своеобразной «читательской конференции», убедятся с удивлением, что читали совершенно различные книги” (*там же*, 468).

Установка на неоднозначность прочтения и возможность различных интерпретаций иногда содержится в самом названии произведения. „Заглавие *Имя розы*, – пишет У. Эко, – подошло мне, потому что роза как символическая фигура до того насыщена смыслами, что смысла у неё почти нет (...) Название, как и задумано, дезориентирует читателя. Он не может предпочесть какую-то одну интерпретацию (...) Название должно запутывать мысли, а не дисциплинировать их” (*там же*, 429).²

2 „Роза – христианский символ земного мира и мира небесного. В мифологической, религиозной и литературной традиции – это воплощение земной чувственной страсти, восторга, желания,

Отметим также возможность иносказательного использования названия и имён героев одного произведения в контексте другого. Читателей *Евгения Онегина*, например, А.С.Пушкин именует – „Друзья Людмилы и Руслана!”

Интересно, что и образ автора может трактоваться неоднозначно, причём часто это связывается с проблемой „подлинности” текста и „достоверности” изображаемых в нём событий. Так, У.Эко выдаёт собственный роман за свой итальянский перевод „с довольно сомнительного французского текста, который в свою очередь должен являть собой переложение с латинского издания семнадцатого века, якобы воспроизводящего рукопись, созданную немецким монахом в конце четырнадцатого” (*там же*, 9-10). Таким образом к мнимому автору XIV века присоединяется череда переводчиков (к числу которых относит себя и подлинный автор!), каждый из которых оставляет свои „следы” в повествовании. „Я засунул свою повесть в четырёхслойный конверт, защитив её тремя другими повестями: я говорю, что Валле говорит, что Мабийон говорил, что Адсон сказал (...) Маска, вот что мне было нужно” (*там же*, 437). Более того, мнимый автор также как бы раздваивается: „Восьмидесятилетний Адсон рассказывает, что он пережил, будучи восемнадцати лет. Кто здесь рассказчик: восьмидесяти- или восемнадцатилетний? Оба сразу. Так вышло, так и замышлялось... Раздваивая Адсона, я вдвое уве-

стыда и в то же время это высокий символ божественной любви. Роза – знак чувственного наслаждения и неземной радости, небесного блаженства. Красная роза с шипами – грехопадение (поцелуй Евы, капля крови Афродиты, кровь Адониса); белая роза – чистота, целомудрие; чёрная роза – смерть (чёрная роза на груди Бертраана); золотая роза – слава, бессмертие, вечная жизнь. Роза символизирует красоту земной женщины и – божественность Девы Марии и Христа (распятый Христос – Роза на Кресте) как воплощение милости, всепрощения, божественной любви, мученичества, страдания, славы и вечной жизни. Мистическая Роза в финале *Божественной Комедии* Данте объединяет души святых и праведников. Роза также символ гармонии мироздания. Это эмблема мира видимого и умопостигаемого, явного и тайного. Это символ божественной тайны (отсюда лат. *ыги кшыф* как обозначение тайны в тайных братствах). Это символ избранничества, высокого этического совершенства, духовного восхождения.” (*Мифы народов мира* 1980-1982: II: 386-387, в: Приходько 1994: 47).

личивал набор кулис и ширм, отгораживающих меня как реальное лицо или меня как автора-повествователя от персонажей повествования (в их числе и от повествующего голоса)” (там же, 443).

Вспомним, что к подобному приёму прибегал и А.С.Пушкин: *Повести Белкина* предваряются рассказом об их „авторе” Иване Петровиче Белкине, а *Капитанская дочка* выдаётся за записки Петра Андреевича Гринёва – непосредственного участника событий, чья рукопись доставлена издателю „от одного из его внуков”.

Языковые знаки, употребляемые в различных вариантах устной и письменной речи в непрямом значении, позволяют выражать одно и то же содержание разными формами или использовать одну и ту же единицу языка для выражения разных значений, то есть служат средством реализации функциональной асимметрии речи. При этом обнаруживается семантическая валентность знака, его способность к приращению значений и смысла в соответствии с коммуникативно-прагматическими, стилистическими, субъективно-оценочными, эмоциональными, модальными и другими аспектами общения.

Становясь средством выражения не прямых значений, языковой знак подчиняется речевым нормам, существенно отличающимся от языковых. Ознакомление иностранных учащихся с этими нормами, развитие у них понимания того, что в речи является приемлемым, допустимым, употребительным и достаточным в тех или иных конкретных ситуациях общения, – одна из важнейших задач обучения. Ведь носитель языка владеет, как правило, различными его стилевыми вариантами, а иностранный учащийся овладевает прежде всего своего рода одностилевым языком, неким усреднённым и редуцированным его вариантом. Это отражается в упрощении синтаксиса и сокращении предложений, в повторяемости лексики, в замедленности устной речи.

Кроме того, следует иметь в виду, что довольно распространённым результатом обучения, особенно на начальном этапе, является формирование в языковом сознании учащегося особого кода, совмещающего черты родного и изучаемого языков, и собственных стандартов пользования им. В англоязычной методической литературе для именованного

этого кода используется термин “interlanguage” (Spolsky 1991: 30-36; Ellis 1991: 98-99; Ellis 1994: 339, 351).

Субъективное осмысление языковых и речевых норм, узуса, культурологических параметров общения выражается в тенденциях к интернационализации и к бикультурной ориентации речи, существенно усложняющих её интерпретационный аспект. С целью компенсации недостающих знаний используются окказиональные способы номинации, неизвестные лексемы замещаются интернационализмами или лексемами родного языка, в словообразовании применяются неузальные модели, нарушаются нормы словоупотребления, лексической сочетаемости, тематического членения и синтаксического оформления высказываний, что затрудняет их адекватное восприятие, а иногда приводит к непредусмотренной импозиции – немотивированному выражению дополнительных смыслов. Вот некоторые примеры из речи болгар: 1. интернационализмы: постер-сессия, три медийных центра, аутентичные здания. Интересен пример словотворчества по модели русского языка из устной речи болгарки, специализирующейся в английском языке: „Мы пели сонгички” (в зн. песенки); 2. лексемы родного языка: 15 февраля, природонаучные дисциплины, ресторан с вместимостью 1000 человек, творческие экипаы, спортивный уред (снаряд), у неё укрепла (окрепла) воля, если он не успеет (сможет); 3. Словообразование: внедрительские подходы, отпечатывание литературы, просветный центр, занятие спортом; 4. Словоупотребление: число прибывания, число отъезда (дата/день приезда, отъезда), она глубоко связана с художественной гимнастикой, она превратилась в строгого, но благородного тренера, мальчику нравится работать умом и руками; 5. нарушение синтаксических связей: расходы за счёт участника или институции, которой он представляет, если желающие больше одного, просим откопировать регистрационные формы, для нас будет удовольствие ваше участие (в конференции), институт назван именем известным просветным деятелем, он является продолжителем возрожденческих традиций образовательной работы. Как видно из приведенных примеров, часто различные отступления от языковых и речевых норм сочетаются в пределах одного высказывания. 6. грамматикализация речи выражается в неуместной формально-языковой правиль-

ности и излишней эксплицитности высказываний, нарушающей речевые нормы. Вот некоторые примеры такой формализованной речи китайцев: „Какой университет носит имя Ломоносова?“ – „Московский государственный университет носит имя Ломоносова.“ „Какие месяцы считают в России зимними?“ – „Декабрь, январь, февраль считают в России зимними.“ „Кто из русских писателей родился в городе Нижний Новгород?“ – „Русский писатель Горький родился в городе Нижний Новгород.“

Обучая иностранному языку, мы должны помнить, что в международном общении языки выполняют специфические задачи, подвергаются дополнительным функциональным нагрузкам, испытывают принципиально иные воздействия на свою структуру и семантику, чем в ареале исконного распространения (подробнее об этом см.: Гребенев 1990: 69-76). При этом активизируется способность языка выступать проводником культурно-языковых контактов или отражать культурно-языковые конфликты. В связи с этим особое значение приобретает способность коммуниканта определять, по нормам какой культуры и как именно следует трактовать в речи ту или иную ситуацию. Можно говорить об особой коммуникативно-речевой стратегии двуязычного и бикультурного поведения, в которой существенно усложняется интерпретационный аспект речи, а содержание коммуникативной компетенции дифференцируется в зависимости от избранных сфер знания и деятельности и, соответственно, от жанрово-стилевой и функциональной специфики используемых в этих сферах текстов. Готовность индивида к их производству и восприятию предполагает владение не только языковыми, но и речевыми нормами, в том числе – способность вариативно выражать в речи не прямые значения.

ЛИТЕРАТУРА

- Гоголь, Н.В.
1977-1978 *Собрание сочинений в семи томах*, М. 1977: IV;
1978: V.
- Гребенев, А.Л.
1990 *Русская речь в международном общении (к вопросу о своеобразии)*, в: VII

Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Доклады советской делегации, М. 1990: 69-76.

Даль, В.И.
1990

Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка, „Вопросы языкознания”, 1990: I: 134-137.

Елистратов, В.С.
1994

Словарь московского арга, М. 1994.

Лотман, Ю.М.
1992

Избранные статьи в трёх томах, Таллин 1992: I.

Пастернак, Б.Л.
1989-1992

Собрание сочинений в пяти томах, М. 1989-1992.

Переписка А.С.Пушкина

1982

Переписка А.С.Пушкина в двух томах, М. 1982.

Приходько, И.С.
1994

Скрытые смыслы драмы А.Блока Роза и крест, ИАН СЛЯ 1994: LIII(6): 36-51.

Пушкин, А.С.
1952

Избранные произведения, М. 1952.

Словарь

1966

Словарь русских пословиц и поговорок, сост.: В.П.Жуков, М. 1966.

Толстой, Л.Н.
1947

Анна Каренина, М. 1947: I.

Эко, У.
1989

Имя розы, М. 1989.

- Ellis, R.
1991 *Understanding Second Language Acquisition*,
Oxford Univ. Press, Oxford 1991.
1994 *The Study of Second Language Acquisition*, Oxford
Univ. Press, Oxford 1994.
- Spolsky, B.
1991 *Conditions for Second Language Learning*, Oxford
Univ. Press, Oxford 1991.

ABSTRACT

Non Explicit Meanings and Characteristics of Non-Native Russian.
The paper examines a number of non-native levels of spoken Russian,
and analyses the errors due to interlanguage.

Slavica tergestina 5 (1997)